

Су Ланьцяо задумался на несколько секунд, достал телефон и отправил Юэ Си сообщение:

[Я пошёл ужинать с боссом Чу, давай перенесём на другой день]

[Большой Юэ Юэ: ???? Су Ланьцяо, ты конченный ублюдок, променявший друга на красотку!!! Даже барбекю тебя не прельщает]

[Большой Юэ Юэ: Я уже пришёл!!! А ты опять кинул меня из-за какого-то мужика]

[Большой Юэ Юэ: Говори, драться на мечях или дружбе конец!]

— Договорился с другом? — Чу Чэн закурил сигарету, непринуждённо держа её в руке, выглядел очень расслабленно.

Су Ланьцяо проигнорировал бешеный поток сообщений от Юэ Си и с невинной лёгкой улыбкой ответил:

— Договорился, он сказал, что нет проблем.

— Тогда у меня последний вопрос, — Чу Чэн, опасаясь обжечь человека пеплом, слегка отвёл сигарету в сторону и наклонился к его уху. — Питомец сбежал на неделю, и мне пришлось караулить, чтобы поймать. Я угощаю тебя вкусеньким, так не пора ли проявить и другие функции?

— Какие? — Су Ланьцяо потер ухо, которое зачесалось, с недоумением на лице.

Чу Чэн прочистил горло и сказал ещё тише:

— Не пора ли исполнить обязанности постельного партнёра?

— Ты... — Су Ланьцяо на мгновение онемел. Когда он вносил это предложение, то думал, что в следующий раз посещение дома Чу Чэна будет более обоснованным, а в тишине ночи, когда станет дразнить, будет чувствовать себя увереннее.

Просто этот человек так прямо всё высказал, что застало его врасплох.

Исполнить обязанности? Он только мечтает об этом.

— Ты серьёзно? — Су Ланьцяо тщательно подбирал слова, стараясь звучать не слишком возбуждённо, но приподнятые уголки губ выдавали внутреннюю радость. — Я согласен.

Чу Чэн тихо усмехнулся:

— Шучу, пошли сначала поужинаем.

— Как можно так шутить? Раз уж сказал, то я обязан исполнить свои обязанности, быть образцовым питомцем. — Су Ланьцяо ухватился за его рукав, не собираясь сдаваться, уже не думая о сохранении лица — какое там лицо.

Как сказать... С момента их последней ночи вместе прошло уже много времени. С одной стороны, это действительно приятно, но больше — психологическое утешение. Только в такие моменты, под влиянием эмоций, он может как ему угодно целовать и обнимать его, быть невероятно близким.

А вне постели они никак не могут вести себя как настоящие влюблённые — безрассудно, даже за руку боятся взяться.

По своей натуре Су Ланьцяо очень нуждается в физическом контакте, чтобы обрести чувство безопасности.

Чу Чэн потушил сигарету в стоящей рядом урне и естественным образом взял его багаж:

— Спустимся прямо отсюда в гараж, никто не увидит.

— Хорошо.

Су Ланьцяо опустил голову и пошёл следом, уже не задумываясь о том, как долго Чу Чэн ждал его у аварийного выхода, его мозг был занят только мыслями об исполнении обязанностей.

После ужина нужно проявить инициативу. Чу Чэн уже поднял этот вопрос в шутку, нельзя просто так оставить всё.

В кайсэки-рёри подают сакэ, может, выпить несколько рюмочек, притвориться пьяным?

Или затянуть время до позднего вечера и воспользовавшись моментом остаться ночевать? Чу Чэн вряд ли откажет.

Если и это не выйдет, можно напрямую начать упрямитесь, тоже вариант.

Маленькие расчёты Су Ланьцяо трещали как семечки, он не смотрел на дорогу и на последней ступеньке чуть не споткнулся, прямо врезавшись в спину Чу Чэну.

Он ахнул и прошипел:

— Как больно.

— Кто виноват, что идёшь, не глядя под ноги, о чём думал? — Чу Чэн уже широкими шагами дошёл до машины и передал багаж Старине Чэню.

Су Ланьцяо, хмурясь, потирал ушибленный кончик носа, открыл дверь, сел в машину и спросил:

— У тебя сегодня нет работы?

— Я работаю каждый день, разве нельзя немного отдохнуть? — Чу Чэн удобно скрестил ноги, подперев голову рукой, и смотрел на него.

Су Ланьцяо неловко улыбнулся, играя верёвочкой на толстовке, рассеянно проговорил:

— Я не это имел в виду. Ты сегодня встретил меня, я так рад. Давно уже никто не встречал меня специально. В детстве после уроков всегда возвращался один дома, у других детей были родители, которые забирали, а мне приходилось идти самому. Потом вырос, летал обратно в Великобританию, встречал тоже дворецкий — чопорный, добросовестный, выполняющий свои обязанности. Это другое, работа за деньги.

Он всё бормотал, а Чу Чэн вдруг уловил ключевое и прервал низким голосом:

— У вас в семье был дворецкий? А ты утверждал, что бедный?

Когда в первый раз обсуждали гонорар за пиар, Су Ланьцяо всё твердил, что он актёр восемнадцатого уровня, денег нет, выглядел жалко, будто два с половиной миллиона для него — вопрос жизни и смерти. Неужели всё это было притворством?

— Этот... этот... старый дворецкий, дешево, — Су Ланьцяо пытался замять тему, чуть не проболтался.

Чу Чэн приподнял бровь, но не стал его разоблачать.

Обмануть других — пожалуйста, но обмануть его... Малыш ещё слишком зелёный.

Помимо управления повседневными домашними делами, английский дворецкий отвечает и за финансовое управление всего домом. Тот, кто может позволить себе такого человека, определённо имеет солидную семейную компанию, совсем не так, как изображал бедность Су Ланьцяо.

Но зачем он скрывает своё происхождение? Чу Чэн прищурился.

Малыш не говорит, он и не станет допытываться.

Всю дорогу они молчали, атмосфера в машине была несколько напряжённой.

Су Ланьцяо чувствовал, что с умом и сообразительностью Чу Чэна это вряд ли удастся скрыть надолго.

На самом деле изначально он и не собирался скрывать, просто хотел изобразить жалкого, вызвать сочувствие.

Но говоря о семье, неизбежно придётся коснуться событий восьмилетней давности, а об этом он не хочет вспоминать — это как кошмар.

Машина подъехала к закрытому японскому ресторану, выглядевшему очень высококлассно. Су Ланьцяо знал, что в последние дни съёмочная группа время от времени давала рекламу в интернете, его лицо уже стало немного узнаваемым, и он боялся снова навлечь неприятности.

Перед выходом из машины Су Ланьцяо осторожно надел бейсболку, чёрный козырёк полностью скрыл его миниатюрное лицо, осталась видна лишь линия подбородка.

Но Чу Чэн впереди был слишком заметен: рост почти метр девяносто и так выделялся в толпе, плюс безупречное лицо — идя по улице, он привлекал всеобщее внимание.

Су Ланьцяо намеренно держал дистанцию с Чу Чэном, между ними было два-три человека, словно они тайно встречались. Согнувшись, прикрывая лицо, он быстро поднялся наверх и юркнул в приватную комнату, только тогда успокоился.

— Наконец-то появилось сознание звёздности? — Чу Чэну стало смешно, когда он увидел, как тот тщательно прикрывается, боясь, что его заметят, словно вор.

Су Ланьцяо снял кепку и положил на рядом стоящее сиденье, пробормотал:

— После того случая с фотографией стал бояться, из-за чего тебе пришлось потратить кучу денег, чтобы всё замять.

— Мелочи, ничего.

Чу Чэн поманил повара, чтобы тот начал готовить блюда. Вскоре несколько изысканных закусок были выставлены в ряд.

Су Ланьцяо действительно давно не ел такой свежей и вкусной еды, даже забыл поговорить с Чу Чэном, просто отправлял одну палочку за другой в рот.

Вообще-то, это несколько невежливо, но он думал, что Чу Чэн теперь уже не чужой, можно не церемониться.

Чу Чэн не был голоден, он неспешно пережёвывал фуа-гра, наблюдая за Су Ланьцяо. Ему казалось, что этот малыш очень мило ест, глядя на него, и самому аппетитно.

Будучи моделью, он к еде испытывает какую-то необъяснимую привязанность. Прямо как он сам говорил ранее: если в хорошем настроении — дать немного еды, просто как питомцу.

Через полчаса Су Ланьцяо, удовлетворившись, откинулся на спинку стула, наконец вспомнив о своих прежних планах, и сразу же поманил официанта принести несколько бутылок сакэ.

Чу Чэн, увидев, что он заказал сразу три, приподнял бровь:

— У тебя же неважный алкоголизм, зачем пить?

— Хочу поблагодарить тебя за заботу в последнее время, я много тебе должен, выражу благодарность вином. — Су Ланьцяо несло всякую чушь, а в душе думал: выпью немного — и будет предлог.

Чу Чэн усмехнулся, налил ему рюмку:

— Где ты только такой ерунде научился? Пей помедленнее, от той машины, где тебя вырвало в прошлый раз, запах только недавно выветрился.

Су Ланьцяо взял маленькую чашечку, чокнулся с ним и решительно выпил залпом:

— Босс Чу, я действительно очень рад снова встретиться с тобой.

В этих словах был скрытый смысл, но Чу Чэн не стал спрашивать, подождёт, пока малыш напьётся, тогда всё само выльется.

С этой мыслью Чу Чэн снова налил Су Ланьцяо полную чашку.

Так, обменявшись тостами, они опустошили две бутылки сакэ.

Су Ланьцяо уже был слегка пьян, в состоянии опьянения он любит быть ближе к людям, сейчас его всего качало, он прижимался к Чу Чэну, нога к ноге, рука к руке, чуть ли не повис на нём.

<http://bllate.org/book/15599/1391644>